

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
доктор филологических наук

НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ РУССКИЕ

Одной из причин нашей национальной стойкости справедливо называют способность русского человека смеяться в трудные минуты жизни. Это свойство поражает иностранцев, не понимающих, почему в бедах и невзгодах мы непременно говорим: *“Ничего!”* – и начинаем искать, и находим смешные стороны в безысходном, казалось бы, трагичном положении. У русских даже плач смехом прёт. Умудряемся, к изумлению других народов, смеяться над самими собой и ещё чисто по-русски умеем *“валить дурака”*.

Слово **смех** в русском языке сопряжено с глаголом *сместь*, от него смех берёт своё начало. По-русски смеётся тот, кто посмел, смелый человек, преодолевающий смехом неправду, горе, страх. А ощущение собственной смелости всегда рождает радость, укрепляет достоинство и дух.

Понять своеобычность русского смеха важно потому, что это костяк национального мужества и веры в свои силы. Мы смеёмся, чтобы быть сильными, чтобы преодолеть беду, чтобы пересилить горе. Но вместе с тем мы понимаем и помним, что *не всякий смех до добра доводит*. Сегодня Россия переживает нашествие чуждой нам смеховой культуры, развращающей народ, истончающей его нравственную крепь.

РАДОСТЬ И ВЕСЕЛЬЕ – РУССКАЯ ПОТЕХА

Весёлый характер нашего народа с древних времён складывался в ритуальных празднествах Святков, встречи весны, Светлой седмицы, троицких и купальских гуляний. В эти дни народный обычай предписывал радоваться и веселиться. Слово **веселье**, исконно имевшее тот же смысл, что и санскритское *vasu* – “хорошо”, этимологически связано с весной как календарным началом благоденствия. Славяне в своей картине мира делили год на радостное и печальное время, где “весёлый час” – пора веселья и радости – начинался с Нового года и Рождества и длился вплоть до окончания сбора урожая, а “смутный час” – печальная, мрачная пора – так именовали холод да тьму промозглой поздней осени и долгих зимних вечеров.

В дни ритуального народного веселья никто никого не упрощивал веселиться. Радость охватывала людей сама собой, она затаённо пробивалась в душах женщин, шивших праздничные наряды, полагавшиеся к торжествам. Она предвкушалась в приготовлении праздничных угощений и ритуальных блюд. Она являлась в ожидании гуляний, игрищ и хороводов. Пришедший праздник выплескивал радость в застолья и гульбища, что сопровождалось неотступным весельем, у которого и не было никакой иной причины, кроме радости наступления весёлой поры года – тёплой, сытной для всех сородичей.

По современным представлениям то веселье порой и весельем-то назвать трудно – уж больно суровым оно выглядело, ведь потехой на Руси считались медвежьи и кулачные бои. Вот как описывает медвежий бой иноземец Флетчер в XVII веке: “Особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенётами и держат в железных клетках. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесённый стеною, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда отпустят медведя, то он прямо идёт на своего противника с отверстою пастью. Если человек с первого раза даст промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство даёт перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идёт к нему с рёвом и разинутую пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чём обыкновенно успеваает) и утвердить другой конец её у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то, обыкновенно, с одного разу сшибает его”.

Впрочем, бойца с медведем, как правило, не оставляли без страховки. На помощь ему, в случае явной угрозы жизни, приходили охотники с вилами. Век спустя медведей специально дрессировали для подобной потехи. На сельских ярмарках, в больших и малых городах сшибки с медведями долго ещё оставались любимым развлечением русского народа на Масленицу и на Святках. Обычай этот хранился в России вплоть до первых десятилетий XIX века. Местами же – на русском Севере, в Верхнем и Среднем Поволжье, в восточной Белоруссии – потешные медвежьи бои продержались до начала XX века.

Удалой потехой почитались русские кулачные бои, что затевались по праздникам со Святков до Петрова дня. Разгул боёв начинался во время Масленицы – *“на добром морозце друг другу бока погреть да носы подрумянить”*. Про кулачную потеху говаривали: *кулачный бой – душе разгул*. Сходились *“улица на улицу”, “деревня на деревню”, “слобода на слободу”*. Весной и летом бились на площадях, зимой – на льду замерзших рек и озёр. Наиболее популярные из кулачных боёв – *“один на один”, “стенка на стенку”* и *“сцеплялка-свалка”*, где дрались без соблюдения строя, каждый сам за себя против всех.

Первенствовала наиболее популярная и любимая схватка *“стенка на стенку”*. Бой начинался дракой мальчишек, после них сходились неженатые парни, под конец в *“стенку”* становились взрослые мужики. Не разрешалось бить лежачего или присевшего, запрещалось хватать за одежду. Каждая *“стенка”* стремилась обратить другую в бегство или хотя бы заставить противника отступить. Побеждённой считалась *“стенка”*, проигравшая *“поле”* битвы. Каждая *“стенка”* возглавлялась атаманом или боевым старостой, который командовал боем, определял тактику. Среди тактических приёмов излюбленным был обычай разорвать строй противника, вытащив из него нескольких бойцов. Против такого приёма использовался свой контрприём: *“стенка”* размыкалась, втягивая внутрь разгорячённых бойцов – авангард противника – и тут же смыкалась. А уж в глубине *“стенки”* отсечённых воинов поджидали опытные бойцы *“один на один”*.

Схватка *“один на один”* велась по праздникам в любом месте, где собирался народ. Дрались только кулаками, имитируя удары оружием: удары головками пястных костей – как удары штыком, удар основанием кулака со стороны мизинца – как рубящий удар шашкой, удар головками основных фаланг напоминал удар обухом. Бить разрешалось хоть куда, но только выше пояса, мастерскими считались удары в голову, в солнечное сплетение – *“в душу”* – и под рёбра – *“под микитки”*. Упавшего и окровавленного бить запрещалось. Запрещалось применять любое оружие, драться можно было только голыми руками. На то она и потеха, чтобы показать силушку да удаль молодецкую, но не увечить, не убивать.

Среди особых русских дней всеобщей радости и веселья этнографы описывают *праздницу*. В каждом большом селе широко отмечали день именин села, как правило, в престольный праздник местной церкви. Такой день и называлась *праздницей*. Со всех соседских деревень собирались крестьяне, шли к обедне, причащались, празднично обедали, а после выходили на улицу, заводили гулянья да пение. Каждый *“гурт”* пел по-своему. У каждой деревни

свои напевы. Одежда у всех яркая — цветные понёвы или сарафаны, белые рубахи с расшитыми рукавами, золотые и жемчужные головные уборы — *сороки*. Красота праздника сказывалась во всём — и в уборах, и в песнях.

Радость с весельем неотлучно пребывали и на семейных праздниках. На свадьбах и именинах повелевалось непременно веселиться. Само действие свадьбы в украинских, белорусских и польских говорах именуется *весельем*. Все: дружки, родители и гости — должны были веселиться на свадьбе, чтобы молодая семья была наделена здоровьем и благополучием. Свадебные веселье, смех, шутки и песни имели ритуальный смысл.

Во время больших застолий люди и по сей день поминают поверье предков — веселье одаряет здоровьем, силой, жаждой жизни.

Слово **веселье** искони являлось священным символом притока жизненных сил. Веселиться на праздниках для славян значило благодарить Бога за радость жизни, являть ему своё довольство и благодарность за всё, что даровано нам на этой земле.

Исследуя природу русского веселья, мы видим, что оно было неотъемлемой частью славяно-русского праздника, календарного ли, семейного ли — не суть важно. Важно, что праздник на Руси издревле был ритуальным священнодействием, которое с принятием христианства лишь отодвинули на окраину народной культуры. Но как прежде, так и поныне в празднике живёт священная радостная благодарность человека Богу за свое житьё-бытьё. Наши народные праздники и сегодня несут этот архетип всеобщей радости и веселья, заложенный издревле. Из того, что свято празднуется в России, назовём Новый год и Рождество, которые по-русски надо встречать непременно весело, чтобы год был счастливым. Вспомним и Масленицу — потешную встречу весны с её поклонением блину как образу солнца, олицетворяющему веселье. Почтём и Светлую Седмицу — седмицу глубокой духовной радости и любви, и вместе с тем неделю весёлых гуляний и объедения. В наших праздниках и поныне хранятся осколками архетипы древнейших ритуалов, собиравших семьи и роды в общинный круг, чтобы возблагодарить Вышний мир за продолжение жизни на земле.

Семейные радость и веселье по сей день царят на русских свадьбах и именинах. В эти праздничные дни мы возвращаемся к ритуальному благодарению Бога за оказанную семье милость жить и размножаться.

Во всех праздниках, что календарных, что семейных, всполохами светится радость, всплесками взвизгивается веселье, раскатами грохочет неудержимый задорный смех. И потому праздники народные — семейные и календарные — обязательно сопровождаются русской потехой — удалой, развесёлой гулянкой, где серьёзный и обстоятельный русский человек вдруг становится скоморохом и веселится от души. Потеха есть утешение, развлечение души, замученной тяготами нелёгкой трудовой жизни. Потешая себя, каждый хоть на миг становится весёлым, а значит, согласно исконному смыслу этого слова, — хорощим, благополучным, счастливым.

Существует немало слов, употребляемых для русского праздничного веселья. Главное среди них — *балагур*, обозначающее человека, имеющего талант рассмешить, повеселить народ. Балагурство выражает особое русское добродушие, незлобивость и умение подбодрить себя и других смехом. Такой смех, ритуально заклинающий *“Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!”*, возносится к Вышнему миру с благодарностью общинного круга за сохранение народа в здравии и достатке. Так что веселье всегда означало общее довольство целостностью и здоровьем общины.

Выражение *радость и веселье* свидетельствует об общем настроении, которым дышит народ по праздникам, когда обычаем запрещено трудиться, предписано балагурством разгонять скуку и монотонность повседневной работы. *“Мешай дело с бездельем, дольше с ума не сойдёшь”*. *“Мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем”*. Знаменательно, что широко известная формула *“делу — время, потехе — час”* есть одна из основ нашего быта, где тяжесть и изнурительность труда обязательно скрашивались развесёлым праздничным гуляньем. Такой порядок жизни присущ русскому человеку и сейчас, таков склад русского характера.

Показательно сетование предпринимателя, изучавшего японские и китайские промышленные конвейеры, где юноши и девушки, не поднимая голов, трудятся над одной и той же операцией по восемь часов в день с единствен-

ным перерывом на обед. “У нас же на конвейере, — жаловался бизнесмен на русскую непоседливость в труде, — приходится каждые два часа сажать девушек за другую работу, менять операцию, иначе они начинают кричать”. Но кричат они не потому, что ленивы, ведь русский народ к труду охоч, и о том свидетельствуют пословицы “Скучен день до вечера, коли делать нечего”, “Не то забота, что много работы, а то забота, что нет её”, “Без дела жить — только небо коптить”. Монотонность в любом деле противна русской душе.

При обязательном нелёгком труде должен быть у русского человека праздник. Тот светлый потешный час, когда можно и на людей поглядеть, и себя показать, когда веселиться, петь, плясать, шутить обязывает обычай. Такова наша русская традиция по сей день. Радость и веселье сами собой приходят в праздники, и коротким потешным часом мы потчует, насыщаем душу в преддверии долгих рабочих дней.

Русский уклад “мешай дело с бездельем” отражается в народных песнях. Именно поэтому на Руси живёт не только праздничная, но и трудовая песня — в стремлении украсить и разнообразить тяжёлую, монотонную работу. Протяжными песнями сопровождали работу и в поле, и на сенокосе, и на огороде, и при сборе ягод, и за ткацким станом или прялкой. Пели на помочах, когда помогали ставить избу или косить сено, пели, возвращаясь с работ. На заготовках и славе леса пели трудовые артельные припевки, свои песни были у бурлаков, у солдат, у плотников.

А уж в праздники песням не было конца. Каждая деревня имела свой набор обязательных свадебных песен, их набиралось около тридцати, дружки на свадьбе обязательно должны были быть песельниками. Хороводные песни молодёжи на гуляньях слушало всё село. Песен русские люди знали несчётное количество. Взять Курский край. В начале двадцатого века сельская учительница Резанова опрашивала местных женщин о петых ими песнях. Тридцатисемилетняя крестьянка знала 152 песни, которые выучила, по её словам, “на вулице”. Её дочь тринадцати лет знала 71 песню, часть выучила от матери, часть “на вулице” и на подённой работе у помещика. Другая крестьянка девятнадцати лет служила в няньках и на подённой работе и знала 144 песни, большую часть из того, что пели соседи, а восемь песен выучила в чужих сёлах. Из 913 жителей деревни Саломыково, в которой жили эти певицы, насчитывалось 77 певиц и 31 певец. Это те, кто мог запеть и солировать. Каждый из них знал не менее 50 песен. Многие жители деревни участвовали в хорошем пении.

Так что наши праздничные радость и веселье, произрастая из древнего обычая благодарить Вышние силы за дарование тепла, здоровья и благоденствия, держатся на русской привычке мешать дело с бездельем, а труд с весельем, чтобы сверхнапряжённая работа, какой славится наш народ, не истощала силы, чтобы праздники дарили нам утешение.

РУССКАЯ НАСМЕШКА

Настаивая на том, что **смех** происходит от слова **сметь**, разберёмся, над чем осмеливаются смеяться русские. Русские не любят того, что называется кривдой, а это всё, что противоположно правде и истине. Но что есть кривда в представлении русского народа? Какие пороки вырастают в характерах тех, кто кривит душой? И, наконец, от каких душевных недугов русские избавляют своих одноплеменников при помощи насмешки?

Насмешка — слово, важное в осмыслении человеческих пороков и недостатков. Приставка *на-* означает здесь взгляд сверху, с высоты правды. Насмешка у нас в чести, потому что именно она — одна из основ русского воспитания, которое в России зиждется не на правоучении или нотации. Высмеять недостаток — значит поучаствовать в исправлении недостатка, ведь насмешка обидна, она обычно говорится прилюдно, как правило, в глаза, а правда всегда глаза колет. Вот и получается, что насмехаться, насмешничать, высмеивать ближних — значит воспитывать их в русских идеалах, приучая стесняться пороков и стыдиться страстей, для нас отвратительных.

Так, русский идеал щедрости и бескорыстия воспитывается жёстким обличением зависти и жадности. Завистникам пеняют: “Господи! Господи! Убий того до смерти, у кого денег много да жена хороша”. В насмешках обличают

всю тщетность зависти: “Позавидовал-де плешивый шелудивому”. Желчь ревнивого соперничества словно растворяется смехом: “Что, сосед спать не даёт – хорошо живёт?”.

Насмешка делает постыдной жадность, ещё один презираемый русскими порок. Жадин в семье дразнят: “Ложка–то узка, таскает по три куска. Надо её развести, чтоб таскала по шести”. Над обжорами, а это одна из форм жадности, лукаво подшучивают: “Горе наше – гречневая каша! Есть не хочется, а покинуть жаль”. И жадин-соседей есть чем попотчевать: “Съел-де волк кобылу, да дровнями подавился”.

Глаза завидующие, руки загребушие всегда вызывали насмешливый отпор, коренящийся в убеждении: “Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой”.

Воспитывая своих ближних в идеалах скромности, русские изводили насмешками из своей среды нахальство, чванство и хвастливость. Чванливых и спесивых высмеивали в глаза: “Руки в боки, глаза в потолок, вздулся, как тесто на опаре”, “Так зазнался, что и чёрту не брат”. Урезонивали баб, забывших своё бабье место: “Нашла на кошку спесь – не хочет с печи слезть”. А особо заносчивых величали: “И курице не тётка, и свинье не сестра”.

На нахалов тоже находилось насмешливое слово: “Назови мужика братом, а он норовит и в отцы”, – вышучивали: “Пустили погреться, а он уж и детей крестить”. А уж на женскую бесцеремонность и подавно находилось острое словцо: “Пусти бабу в рай, а она и корову за собой ведёт”.

Насмешка отучала упоённого самовеличанием гордеца от неуёмной гордыни, его резко осекали: “Не чванься, квас, не лучше нас”, “Не дуйся, горох, не лучше бобов”. А то и оскорбляли обидным: “Раздайся, грязь, навоз плывёт”. Воспитание скромности насмешкой – вот цель таких поговорок, убеждавших простой премудростью любого, не в меру возгордившегося: “Выше носа плюнешь – себя заплюнешь”.

А как не привечали на Руси хвастунов! Их вышучивали пустозвонами: “Пустая бочка пуще гремит”, “Медные деньги звонче золотых”. Их унижали насмешливой похвалой: “Удалось картавому крикнуть”, “Получилось у пьяного свистнуть”. Жёстко пресекали неуёмных врунов и фантазёров: “Кочет-де яичко снёс, а ворона раскудаhtалась”. Женскую повадку прилгнуть, хвастаясь, высмеивали так: “У больших господ в кормилицах была, козлёнка выкормила”. А гордячек, норовивших самодовольно возвыситься над другими, останавливали презрительным: “Пришла свинья к коню и говорит: “И ноги-де кривы, и шерсть не хороша”.

Хвастовство мужиков пресекали едко: “Сказывали, не богат Тимошка, а у него собака да кошка”. А то и вовсе оскорбительно: “Я ли не молодец! У меня ли дети не воры!”.

Знал русский человек неудобство хвастовства и никчёмность гордыни, ибо с детства его учили “Едят хлеб не в одном вашем дворе”. Наставляли предупредительно: “От гусей отстанешь, а к павам не пристанешь – с кем будешь жить?”.

Русский идеал трудолюбия рождал убийственную насмешку над ленью, ведь ленивец был несчастьем трудовой семьи. Над лентяем шутили: “Чай ты устал, на мне сидючи?”. Нерасторопного корили: “Тебя хорошо за смертью посылать”. Неработь обличали: “У тебя лень за пазухой гнездо свила”. Даже целые побасёнки бытовали: “Что делаешь? – Ничего. – А он что делает? – Мне помогает”, “Тит, иди молотить. – Спина болит. – Тит, иди кашу есть. – Где моя большая ложка?” Ленивым бабам крепко доставалось: “Шила и мыла, гладила и катала, пряла и латала – и все языком”.

Среди бездельников особо выделяли гуляк, что чайничали да бражничали. Про таких говорили: “Что мне соха – была бы балалайка”. О таких балагурили: “За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать – против нас не сыскать”. Побасёнки про бражников не сходили с уст: “Пойдём в церковь! – Грязно. – Ну, так в кабак. – Уж разве как-нибудь под забором пройти”.

О бездельных гуляках говаривали с грустной усмешкой: “У Бога небо коптит, у царя земного землю топчет”, “Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга”, “Ни вам, ни нам, ни добрым людям”. Особо задиристым и драчливым шалопаям шутивно грозили: “Не хватай за бороду! Сорвёшься – убьёшься!”. Их иронично кляли: “Забубённая головушка!”, “У него в голове одни бубны!”, “Чтоб тебе ни дна, ни покрывки!”. За глаза и в глаза ворчали: “Сорвался-де с виселицы”.

В одном ряду с ленью и бездельем высмеивалась глупость. Этого требовало воспитание в русских идеалах ума-разума. Недаром велось шутивное поучение: *“Голова не колышек, не шапку на неё вешать”*. Был в ходу насмешливый приговор: *“Лоб широк, а мозгу мало”*. Даже утешали глуповатого, мешая смех с жалостью: *“Всяк умён – кто сперва, кто опосля”*. А то и шуливо завидовали: *“Без ума житьё – рай!”*.

Но в целом к глупости относились жестоко, вынося глупцу приговор: *“Глуп, как дубина”* (как пень, как пробка, как печка...). Насмешка над глупостью – самая частая среди шутивных упрёков в русской среде, и не потому что на Руси много дураков, а потому что жизнь требовала от русского человека ума и разума, вот и воспитывали смолоду подрастающие поколения, изживая в детях дурость. А если это не удавалось, утешались ироничной премудростью: *“Дураки и нищие не родом ведутся, а кому Бог даст”*.

Зато особым уважением на Руси пользовались правдолюбцы. Русский идеал искренности воспитывался в обличении ханжества, насмешке над притворством и фарисейством. Фарисеям пеняли: *“Нам не гоже, так вот тебе, Боже”*. Или так: *“Мы кого обидим, тому зла не помним”*. Притворщиков судили: *“Спереди – блажен муж, а сзади – вскую шаташася”*. Или так: *“Ох, мой Бог, болит мой бок девятым год, не знаю, которое место!”*. Ханжей дразнили: *“Ну-ка, порося, оборотись в караса”*. Или так: *“Добрый вор без молитвы не украдёт”*. Над прохиндеями смеялись: *“Утаи, Боже, так, чтобы и чёрт не узнал”*. Или так: *“Господи, прости, в чужую клеть пусти, пособи нагрести да и вынести!”*

Всё это называлось дразнить и задирать, то есть буквально сдирать с человека ложь и очищать его от накипи пороков. В современном русском языке правда, что всегда глаза колет, получила новый словесный образ. Насмешничая, мы теперь подкалываем человека или прикалываемся над ним. Словесные уколы или – чаще – приколы есть продолжение древней насмешки-дразнилки. Та нещадно сдирала с человека гадкие черты, а нынешние приколы заставляют вздрогнуть от болезненной обиды и опомниться. Но по-прежнему наша насмешка жестка и даже жестока к зависти и жадности, к лени и безделью, к хвастовству и хвастовству, к лицемерию и ханжеству. Насмешка по сию пору сохраняет русские идеалы щедрости и бескорыстия, трудолюбия, скромности и искренности.

МАЛ СМЕХ, ДА ВЕЛИК ГРЕХ

Поскольку **смех** происходит от глагола *сметь*, и он является преодолением запретного, то его могут вызвать так называемые “неприличные” вещи, то, что в русской культуре нельзя называть и обнажать. Запретными для названия в русском представлении всегда были предметы и понятия “ниже пояса”. Напомню, что в нашей иерархии хорошего и плохого верх и низ человеческого тела соотносились с добром и злом. Граница между ними проходила по чреслам человека, на которые ритуально налагался пояс. В старину неподпоясанный был всё равно, что неодетый.

Всё, что ниже пояса, считалось срамным, и обнажать эти части человеческого тела почиталось великим грехом. И даже говорить об этом считалось греховным, ведь название частей тела “ниже пояса” тоже являлось своего рода обнажением их, а значит, делом стыдным. Срамные понятия табуировали, но и новые слова, заменявшие запретные речения, скоро становились неприличными. Те же запреты распространялись и на плотские отношения, и на физические отправления человека. Все слова, что описывали действия “ниже пояса”, были запретными, их разрешалось упоминать при необходимости только во время болезни или родов, да и то в среде родных и врачей-врачей.

В русском языке к смеху “ниже пояса” применимы понятия издеваться, изгаляться и измываться, что по сути означает срывать одежды, покрывающие запретные телесные места, срывать покровы с недопустимых к обозрению плотских действий. Человек издевающийся будто “раздевает” словами окружающих и себя самого, и потому его называют **наглым**, то есть бесстыдно скинувшим с себя одежду, нагим, неодетым. А смех такого рода рождает стыд, исконно звучащий как *студ*, буквально “озноб от наготы, открыто выставленной на всеобщее посмешище”. Стыд – чувство того, кто подвергается наглому осмеянию. Семья же и род, где завёлся наглый смех, подвергается

лись сраму – публичному осуждению бесстыдства. Выражение *стыд и срам* очень точно передаёт впечатление от наглого смеха как человека, так и всего общества.

Всё это именовалось на Руси нечистым и бесовским, а подобный смех считался великим грехом, своего рода беснованием. Русский язык не случайно соединил слова “смех” и “грех”, поставил рядом с греховной, бесстыдной шуткой чувство вины за согрешение. Именно от нечистого, бесстыдного смеха предостерегают русские пословицы: “Где смех, там и грех”, “Мал смех, да велик грех”, “Навели на смех, да и покинули на грех”.

Нечистая сила и бесстыдный смех идут рука об руку. В народе это хорошо понимали, на этот счёт существовали отговорки и предупреждения: “Шутил бы чёрт с бесом, водяной с лешим”, “С чёртом не шути: перетянет”, “Леший пошутит – домой не пустит; водяной пошутит – утопит”, “Не шути с чёртом: из дубинки выпалит – убьёт”, “Чем чёрт не шути”, “Шутить бы чёрту со своим братом!”. Чёрт порой в присловьях заменяется словом шут: “Шут его знает!” или дядя: “Шутил бы дядя, на себя глядя”. Срамной смех осуждался церковью, за него требовалось принести покаяние.

Смех и грех – наиболее распространённая сегодня модель смеховой культуры, прежде запретной и осуждавшейся в благочестивом русском народе. Этот вид смеха, выражаясь языком психиатров, вызывает ощущение эйфории – чувство удовольствия и наслаждения, мотивированное наглою смелостью поругания запретов. Словесные матрицы неприличного смеха энергично внушаются массам через бесчисленные “развлекаловки” и “хохмы” – юмористические программы жванецких, хазановых, петросянов, винокуров... Люди, собирающиеся на эти зрелища в огромных залах и у телеэкранов, жаждут одного: “поржать”, хотя прекрасно понимают, что “ржачка” эта непристойна. Жаждут не посмеяться, не улыбнуться тонкой шутке, игре слов, доброй иронии, едкой насмешке, а именно ржать, гоготать, фыркать, хрюкать... Какие ещё животные термины приложить к этим звукам, которые издают зрители, хватаясь за животы, икая, обливаясь слезами и захлёбываясь смехом на подлых сеансах бесстыдства и наглости? Сами “панорамы смеха” нацелены на слушателей и зрителей с “гусиным разумом и свиным хрюкальцем”. В русской культуре такой смех ещё называли **пошлым**. Слово это обозначает бесстыдные действия, что вызывают животную похоть, не подобающую человеку. Пошлый анекдот, пошлая шутка смешны окружающим, но они смешны лишь в силу взлома запретов изгаляться, издеваться, наглеть.

Бесстыдный смех ненормален, он является разновидностью психоза эйфории, а рождает его эпидемическая искра глумления над запретным, передающаяся от одного зрителя к другому. Состояние, в которое впадают пришедшие за удовольствием люди на “сеансах смеха”, и вправду сродни психически болезненному состоянию эйфории, когда “деятельность больных расторможена, наблюдается дурашливое поведение и расстройство критического мышления”. Главная опасность подобных смеховых развлечений – в стремлении создавать у зрителя потребность в бесстыдстве и удовольствии от срамоты. Бесстыдный смех, открыто называющий запрещённые к прилюдному наименованию непристойности, разрушает границы добра и зла, явная скверна вдруг предстаёт дозволенной и даже весьма привлекательной, ибо, переступая через запрет, человек чувствует себя смелым и испытывает от этого удовольствие. К тому же психоз эйфории не позволяет человеку, одержимому им, адекватно воспринимать и здраво оценивать происходящее. Так и формируют ныне наглое человеческое быдло, приученное к бесстыдству, не понимающее, что такое *стыд и срам*.

Греховный, пошлый, наглый смех безоговорочно осуждался русским народом, но в семье не без урода, и он существовал исподволь в некоторых чёрных душах. Теперь этот непристойный смех пытаются сделать первейшим средством искоренения в нас стыда и приличия, а главное – понятий о добре и зле, являющихся нравственной крепью русского народа.

КОГДА ПЛАЧ СМЕХОМ ПРЁТ

Русские смеются даже тогда, когда должно быть страшно. У нас, к изумлению многих народов, *когда есть нечего, то жить весело*. Если же плакать при этом мы не смеем, а тужить не велят, то остаётся только смеяться. Смех

освобождает нас от страха благодаря тому, что русские умеют смеяться в лицо врагу. Мы действительно смеем смеяться, преодолевая страх, какой бы природы он ни был, смехом мы перебарываем опаску перед могуществом богачей и власть имущих. Такой смех называют ещё смехом *сквозь слёзы*, он, как правило, обличает подлость наших врагов. **Подлость**, а это слово по смыслу сродни низости, — зло, что украшает себя масками добра, справедливости, величия, но на самом деле несёт пагубу и разорение. Высмеять подлость для русских — значит сохранить достоинство человека, не унизиться перед богатым и знатным, не согнуться перед властями предержажими. Если же ты не страшишься таковых, а об этом открыто свидетельствует твой смех, то ты достоин человеческого звания во мнении людей и в собственных глазах.

Русский человек всегда умел сохранять достоинство, смеясь над социальным неравенством: *“Мы и на том свете будем на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать”*. Высокомерие господ осаживали резко и метко: *“Ты — сударь, я — сударь, а кто же присударивать будет?”* О ненасытности богачей говорит язвительная поговорка: *“Сыта свинья, а всё жрёт”*. Доставалось и лихоимцам-банкирам: *“Ростовщики на том свете калёные пятаки голыми руками считают”*.

Вот как посмеивались крестьяне над господами, понимая, что барский почёт не по заслугам: *“Паны что дурни: что захотят, то и делают”*. А ещё ворчали мужики, напоротившись на заносчивость барина: *“По всему видно, что не из простых, а из вислоухих”*. Осаживали и своих, вырвавшихся из грязи в князи, едко напоминая им о “социальном происхождении”: *“Не мешайся деревенская собака промеж городских!”*

Насмешка над уродствами, отличавшими высшие сословия, была для русского человека способом сохранить собственное достоинство. Крестьяне осмеливались насмехаться над изнеженными барями, дерзким смехом осуждали алчных попов, глумились над вороватыми купцами и тем возвышались над ними, доказывая сами себе, что они люди более высокого полёта и правильного уклада.

Подобный смех над богатыми в ходу и в наше время. Так называемые анекдоты “про новых русских” есть продолжение древнего смеха над алчностью и кичливостью богатеев. Анекдоты новейшего времени повторяют эту матрицу один в один: “Сынок “нового русского” спрашивает у отца: “Слышь, пап, а что такое “бьющая в глаза роскошь?” — “Это, сынок, когда мы твою золотую рогатку инкрустируем бриллиантами”. Такие анекдоты злы и презрительны, в них содержится откровенное пожелание всяческих кар на головы неправедно наживших свои богатства: “Новый русский” приходит к гадалке и спрашивает: “Мне вчера ночью картошка приснилась, к чему бы это?” — “Очень просто, — отвечает та. — Или весной посадят, или осенью уберут”.

Сегодня сохраняется в народе достойная черта не ронять чести перед деньгами имущими, этот древний архетип сквозит в большинстве современных анекдотов: “Заходит в офис “новый русский” с огромной цепью на шее. Роняет свысока: “Где хозяин?” Охранник, не задумываясь: “Что, хозяина потерял? Так погавкай!”

Спасает смех от трепета и перед властью имущими. Царь с боярами да приказными, Генеральный секретарь с членами Политбюро, Президент с Государственной Думой из века в век неизменно оказываются под прицелом смеха. Так мы сохраняем собственное достоинство перед лицом властителей, если они злоупотребляют властью. Вот где плач народный и впрямь смехом прёт. Известно русскому человеку сызмала, что *слезами горю не поможешь*, вот и приходится помогать горю смехом, перебарывая в показном, нарочитом веселье страх перед могуществом властей. Бытовала горькая усмешка в давние времена: *“Милует царь, да не жалует псарь”*. Клеймили бесчинства приказных и чиновников: *“В земле — черви, в воде — черти, в лесу — сучки, в суде — крючки!”* Эта древняя матрица читается и в анекдотах про Хрущёва, Брежнева, Горбачёва, Ельцина, Путина. В такой форме, к примеру: “Хватит ругать Президента! Дайте ему срок, и все наладится”. И уж, конечно, наши люди не жалеют острог в адрес новых приказных: “В Государственной Думе принимали закон “Народ должен жить хорошо”. Внесли поправки ко второму чтению: “Народ должен жить”. В окончательном, третьем чтении приняли: “Народ должен”.

Смех над правителями — явное свидетельство падения их авторитета в глазах подданных, в озорных и образных призывах рисующих перспективу

смены правящего режима: *“Русский лес без чурок и сучков”*. Тот, кто сегодня так смеётся, чувствует себя представителем угнетённого народа, достоинство которого он защищает. И по мере распространения подобных шуток и острот, анекдотов и призывов ширится народный протест и возвышается народный голос. Мы смехом опрокидываем уверенность правителей, что им удастся сидеть на народной шее вечно. Достоинство народа как носителя суверенной власти – вот что отстаивает наш русский смех.

Есть ещё одна причина преодолевать страх смехом. Именно так мы подавляем ужас перед чужаками, особенно когда их слишком много и они нам явно угрожают.

Истоки этого смеха коренятся в преодолении древнего страха перед чужими. Перебарывая боязливую неприязнь к незнакомому народу, русские искали в чужаках смешное, а смешным казалось всё то, чем они были не похожи на нас. Это и непонятный нам язык, воспринимаемый как звериный рык или птичий клёкот. И внешний облик, отличающийся от русских и потому подчас представляющийся нам уродством. Обычаи и повадки, которые не свойственны русским, которые кажутся нам поэтому дикими. Такой смех служит достойным способом защиты от иноплеменников. Высмеивая чужаков, мы не только преодолеваем страх перед ними, но и воспитываем в своих соплеменниках любовь к родному, а следовательно, сохраняем и возвышаем в собственных глазах своё национальное достоинство.

Начнём с того, что всякого иноземца в старину насмешливо называли *немцем*, то есть немым: поскольку иностранная речь была русским не понятна, любой чужак представлялся нам глухим и немым.

По-прежнему дика нам речь иностранцев, и сегодняшний анекдот продолжает древнее смешливое поверье, согласно которому иноземцы не говорят, а рычат, регочут, гогочут. Оно живо и поныне: *“Чтобы научиться говорить по-китайски, нужно положить в рот горячую картофелину и произносить любые слова”*. Наша же речь во всех её проявлениях нам представляется лучшей в мире, что проявляется в иронических, даже не без некоторого хвастовства заявлениях: *“Как чуден и глубок русский язык. Попробуйте, не потеряв красоты и душевности, перевести на любой язык фразу “маленько многовато выпил”*. А вот ещё одно ироническое утверждение: *“Только в России “угу” означает “спасибо”, “ой” переводится как “извините”, “эй” трактуется как “подойдите, пожалуйста”, а кусочек хлеба является вторым столовым прибором”*. Любовь к родному языку и собственным традициям – вот что отстаивалось и отстаивается таким смехом.

Как и прежде, русские находят много смешного в повадках иноземцев, в их привычках, нам не свойственных. И, разумеется, сами мы на этом фоне стоим в собственных глазах очень высоко. Вот старинные поговорки, они смешны и одновременно насторожены по отношению к разным народам, с которыми мы имели дело в истории: *“Что русскому здорово, то немцу смерть”, “Незванный гость хуже татарина”, “Цыгану без обмана дня не прожить”, “Голодный француз и вороне рад”*.

А вот новые басни, именуемые ныне анекдотами. Они по сути своей ничем не отличаются от прежних – всё так же отстаивают наше национальное достоинство: *“Переехал в Германию. Всё хорошо. Живу уже десять лет, по привык. Вот только, бывает, проснёшься утром, а в городе – немцы”*. Герои анекдотов – инородцы, с которыми сталкивает нас современная жизнь: *“Популай дублёнку! Мамой клянусь, кожа молодого дерматина!”* Иронизируем над иностранцами, отстаивая своё превосходство: *“Когда надо что-то сделать во что бы то ни стало, американцы говорят: “Сделай или умри!” У русских подругому: “Умри, но сделай!” Тот же пафос: “На Западе принято сжимать кулак и разжимать пальцы по одному: во-первых, во-вторых... А у нас наоборот: сначала пальцы растопыривают, а потом сгибают их по одному в кулак. Это чтобы, если кто не понял, сразу пятью аргументами в рыло”*.

О том, что только русским свойственно смеяться сквозь слёзы, свидетельствует парадоксальная, на первый взгляд, но всем нам понятная поговорка *“В весёлый час и смерть не страшна”*.

Смех сквозь слёзы является проявлением особой русской удали, тех самых *“авось”, “небось”* и *“как-нибудь”*, на которых стоит русский характер. *Авось* означает *“а вот так!”* *Небось* – *“нет, не так!”* *Как-нибудь* – знак того, что как бы там ни было, но дело будет сделано любой ценой! Вот откуда на-

ше выражение *смеяться в лицо врагу*. Оно отражает особое русское упорство на краю гибели. В русской тюрьме и на русской каторге, по свидетельству тех, кто там побывал, много смеются. Это позволяет не умереть от отчаянья. Смеются, шутят, балагурят и на войне, и оттого воевать не страшно. Смеяться в лицо врагу есть сгусток особой русской дерзости и крайней смелости, доставляющей смеющемуся на краю пропасти человеку прощальную, а то и предсмертную радость – радость, что он не сдаётся, держится до последнего, что ему всё ничоём. Формулами смеха здесь издревле являлись слова “Держись!” и “Ничего!” – мол, и это переживём, и это одолеем.

Смех сквозь слёзы укрепляет, человек доказывает сам себе, что он не трус, что смеет переломить свой страх даже в смертный час. Это позволяет русским пережить любое несчастье, это укрепляет нас в непереносимых невзгодах.

Русский смех, преодолевающий страх, – способ сохранения, восстановления нашего достоинства. Мы сохраняем уважение к себе, когда высмеиваем подлость богачей. Мы берегаем народное достоинство, когда смеёмся над низостью правителей. Мы укрепляем национальную гордость и отстаиваем своё превосходство, когда потешаемся над чужаками и пришлыми. Мы даже на краю гибели смеёмся в лицо врагу. Такой смех присущ смелому народу, которому, как это ни удивительно для других племён, *посильна беда со смехами, но невмочь беда со слезами*.

ЧТО ТАКОЕ “ВАЛЯТЬ ДУРАКА”

Умение смеяться свойственно, очевидно, всем народам. Но чувство смешного обусловлено национальным мировоззрением. Англичане, к примеру, тонко воспринимают ироническую игру слов, их смех чаще всего выражает превосходство над окружающими, которые не понимают изысков английского юмора. Французы предпочитают смеяться над другими народами, непохожими на них самих. Немцы вообще не склонны видеть смешное вокруг, и лишь фарсовые, нелепые ситуации, выходящие за рамки общепринятого, могут вызвать у них смех. Русские же отличаются от всех уникальным умением *смеяться над собой*, которое у нас обычно называется *валять дурака*. В нашей культуре это умение ценится весьма высоко, считается признаком ума-разума. И вот почему.

Дурак по-русски не всегда означает глупца. Глупый в истоках языка стыкуется с понятиями глух и глум, глупый, подобно глухому, не слышит слов разума и потому глумится, то есть рассуждает неразумно. В синонимах к слову *глупец* в русском языке бытуют слова иностранные. *Идиот* происходит от греческого *чужой*, и это оправданное сближение глупца с чужаком, ведь чужой так же не понимает нас, как и глупец. Слова *болван* и *балбес* тюркского происхождения, у наших соседей-кочевников *болван* означал “борец, силач”, а *балбес* (*bilmas*) буквально переводится с тюркских языков “он не знает”. И то, и другое слово оправданно обозначали глупцов.

А вот слово *дурак* стоит на особицу. **Дурак** – слово с индоевропейским корнем *DR. Этот корень находим в латинском *dura*, что значит крепкий, твёрдый, а также *dura* по-латыни – “верхняя мозговая оболочка”. Исходное значение корня *DR – нечто крепкое, твёрдое, трудно пробиваемое, оттого в нашем языке возникли слова *дыра*, *драть*, *древо*, *дрын*, а также *дразнить*, *задирать*, *раззадоривать*, то есть пытаться пробить крепость неразумения. Так что для нас дурак – не только и не столько глупец, болван, идиот и балбес, сколько непонятливый, малоумный, а то и вовсе безумный человек, дурак по-русски – крепкоголовый, твердолобый, непробиваемый. А крепость головы и твёрдость лба осмысливается по-разному.

В каждом из нас живо сочувствие глупцу – дураку безумному, ибо каждый сам себя не раз и не два упрекает в недостатке ума: “Вот же я дурак! Над безумным дураком смеются чаще всего по-доброму: “Дураку счастье, а умному Бог даст!”, “Пьяный проспится, а дурак никогда”, “Когда дурак умён бывает? – Когда молчит”, “Дурак не дурак, а с роду так”. Особо тупого раздражённо именуют: “Дурак дураком”, “Круглый дурак”, “Сплошной дурак”, “Набитый дурак”, “Законченный дурак”, “Отпетый дурак”. Про такого говорят: “Чердак без верха”, “У него шариков не хватает”, “У него не все дома”, “У него от думы голова не болит”, “У него из голубятни все голуби улетели”.

Как бы то ни было, глупость нами принимается со снисходительным упреком: *“Ты бы наперёд подумал. — Пробовал, братец, ещё хуже получается”*.

В то же время на Руси презирали дураков бесстыдных, кому неведомо чувство стеснения, и они срамились на всю округу, вызывая брезгливый смех. Таких безоговорочно осуждали: *“Посади дурака за стол, а он и ноги на стол”*, *“Чужой дурак — смех, а свой дурак — стыд”*, *“Дурак стыда не знает”*.

Но иных дураков у нас привечали и даже любили. Ценили простоту дурака бесхитростного, кто благодаря своей твердолобости не понимал людских ухищрений и лепил напрямик в глаза всё, что о ком думает. Такой человек, по нашим представлениям, вовсе не болван и не идиот, и уж тем более не бесстыдник. Он простодушен, и за своё простодушие всеми любим. Дурость такого рода была почитаема в народе: *“Дурак — Божий человек”*, *“Временем и дурак правду скажет”*.

Русский бесхитростный дурак способен обличать и силу, и власть, вот о чём гласит поговорка *“Простота хуже воровства”*. Это по сути прямота, которая сильнее разбоя. Бесхитростный дурак называется у нас юродивым — обличитель, принимающий подвиг юродства для того, чтобы сметь говорить людям правду в глаза, обличая их грехи без различия чинов и богатств. Поэтому *“не только попу, но и дураку — место в красном углу”*.

И уж вовсе не глуп в наших глазах дурак бесстрашный. Просто он неподвластен чувству страха, его голова слишком крепка, чтобы страх пробился в неё. В народе неизменно живо уважение к дураку бесстрашному, у нас их величают либо героями, либо юродивыми. Мы так и говорим о всяком, кто очертя голову кидается первым в схватку, уважительно вздыхая: *“Во дурак!”* А ещё бормочем не без зависти к чужой решимости биться со злом, кивая на тех, кто не боится силы и власти: *“Дуракам закон не писан”*.

И вправду, наш бесстрашный дурак не знает меры ни в чём: *“Дурак времени не знает”*, *“Дай дураку лошадь, он на ней и к чёрту ускачет”*, *“Дай дураку волю, он две возьмёт”*. Особенно важно, что *“в таком дураке и царь не волен”*. Не говоря уже о прочих господах и начальниках: *“Дураку, что большому чину, — везде простор”*. Ведь *“от чёрта — крестом, от медведя — песком, а от дурака — ничем”*.

Дурость дурака бесстрашного или бесхитростного — это освобождение ума от всех условностей, от всех привычек, запретов и страхов. Поэтому-то говорят и видят правду чаще всего дураки. Они честны, правдивы, смелы. Они правдолюбцы, почти святые, но только “наизнанку”. Широко известна поговорка *“Дуракам везёт”*. Но у неё есть более образный вариант: *“Дурак спит, а счастье у него в головах стоит”*. В народе ещё считалось, что *“дураку помогает Бог”*: *“Бог дурака поваля кормит”*, *“Дурак стреляет, Бог пули носит”*, *“Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь”*, *“На дурака у Бога милости много”*. В сказках дураку вообще доставалось полцарства с царевной в придачу. Иван-дурак из сказок — типичный любимый герой русского народа, которому за его простоту и прямоту Бог посылает счастье: *“Дурак и в бочке сидя волка за хвост поймал”*.

Так что если русского человека называли дураком — это вовсе не означает, что он непроходимый глупец. Просто таких не пронять кого — стыдом, кого — хитростью, кого — страхом, благодаря непробиваемой крепости, твёрдости, а подчас и тупости их голов. Именно потому и привечают на Руси дураков повсюду: и хорошо, и плохо, ибо: *“Дурь на дурь не придодится”*, *“И дурак дураку розь”*, *“У всякого своя дурь в голове”*. Так что русская традиция в основном выносит о дураках благожелательный приговор: *“Без дураков скучно жить”*, *“Без дураков и умным скучно”*, *“На дураках белый свет держится”*.

В роли такого дурака — бесхитростного или бесстрашного — хоть раз в жизни бывает каждый русский человек. Именно так каждый из нас не только легко может оказаться в дураках, но и сам иной раз готов валять дурака, придуриваться, то есть разыгрывать из себя придурка, как бы дурака, прикидываться дураком, потешаясь над самим собой. В таких случаях говорят: *“Он на себя дурь напустил”*.

Почему по-русски дурака именно “валяют”? Да потому что дурак в нашем представлении — это низшая ступень человеческого бытия, он внизу, он у всех под ногами, не зря говорят *“упасть в чьих-то глазах”*, *“уронить себя перед всеми”*, и в таком положении, как это ни странно, в таком унижительном положении русский человек чувствует себя очень удобно, если, валяя дурака,

может сказать в лицо правду, вымолвить обиду, обличить злодея. Ведь он *валяет дурака*, а лежачего на Руси не бьют, а дурака бесхитростного и бесстрашного ещё и слушают. Но чтобы *валять дурака*, нужно обязательно уметь смеяться над собой, быть способным умалить и принизить себя, тогда и другим, над тобой как бы возвышающимся, слушать твои шутки и обличения не обидно.

Вот классическое валяние дурака в запорожской прибаутке: *“Родился мал, вырос глуп, помер стар, ничего не знаю. А потому слушай, что скажу”*. По русским представлениям, смех над собой – самый необходимый для окружающих, и на него способен только разумный человек. *Валять дурака* – чисто русская традиция, и смех над собой свидетельствует об уме русского человека, который способен взглянуть на себя иронически.

Над чем же мы смеем смеяться, когда, валяя дурака, хохочем, иронизируем, подтруниваем, улыбаемся над самими собой? Такой смех разрывает оболочку привычного для окружающих образа, взламывает неприкосновенное у других народов личное пространство – ограду приличия, в которую каждый человек вселяет себя, как в кокон. И то, что иноземец почтёт за безумие, с русской точки зрения – верх ума-разума. Очень разумно, и даже свято – посмеяться над условностями собственного бытия, вырвавшись из житейских пут ради вольной волюшки, простодушно резать правду-матку и бесстрашно переть напролом.